

Рене Бернард
Опаловый соблазн
Серия «Искушенные джентльмены», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7497983
Бернард, Рене Опаловый соблазн : роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081382-7

Аннотация

Дариус Торн всегда готов прийти на помощь любому из своих друзей. Но сердце свое он отгородил от остального мира стеной, которая оказалась не такой уж прочной, когда он ближе познакомился со спасенной им женщиной.

Леди Изабель Нидертон, не желая быть пешкой в руках постылого и жестокого мужа, решилась на дерзкий побег. Оставаясь под защитой Дариуса, она открыла в нем совершенно иного человека – страстного, честного и великодушного.

Но законы защищают права мужа, поэтому, чтобы спасти Изабель, Дариусу потребовалось все его умение предвидеть ситуацию. В этой смертельной схватке он должен победить во имя любви...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	40
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рене Бернارد

Опаловый соблазн

«Впервые услышав историю любви, я тотчас же начала искать тебя, не понимая, насколько это бессмысленно. Любящие не встречаются где-то в конце концов. Они все время друг в друге».

Руми

Renee Bernard

Obsession Wears Opals

Печатается с разрешения издательства The Berkley Publishing Group, a member of Penguin Group (USA) Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Renee Bernard, 2012

© Перевод. Н.Г. Бунатян, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Эдинбург, январь 1860 года

Где-то бил барабан.

Изабель раздраженно застонала от его настойчивого вторжения в онемелое, холодное спокойствие, которое наконец снизошло на нее. Она потеряла представление о времени и не знала, как далеко ускакала. Вчерашний долгий дневной галоп перешел в медленное движение сквозь ночь, и Изабель не могла вспомнить, видела ли, как взошло солнце. Она скакала до изнеможения, пока хлесткий ветер и ледяной дождь не сплелись вместе в покрывало ужасающей тишины.

Если не считать этого проклятого барабанного боя.

Ритм медленный и равномерный, но достаточно громкий, чтобы привлечь внимание, подумала она, потому что теперь ей были слышны голоса. Кто-то закричал, а потом послышался встревоженный разговор. Чьи-то руки ощупывали ее, кто-то бормотал вопросы, которых она не понимала, а затем поднял ее с промерзшей сырой земли.

«Я была на земле? Я упала с седла? Как это может быть? Самсон никогда бы не позволил мне упасть...»

Изабель охватила тревога при мысли, что что-то случилось с ее преданным жеребцом: ведь он скакал до изнеможения. Но затем ее лодыжку освободили от стремени, где она застряла, и Изабель оказалась прижатой к кому-то и, завернутая в накидку и одеяла, покачивалась в мужских руках. Она старалась открыть глаза, в первый раз осознав, что они, должно быть, закрыты.

Голоса послышались ближе, низкий тембр мужского голоса вызвал у Изабель вспышку безумного страха, который толчком вернул ее обратно в реальность.

«Барабанный бой был просто стуком моего сердца. Боже, помоги мне, ведь я молилась, чтобы он прекратился».

Оцепенение в мгновение исчезло, и Изабель вскрикнула от осознания тяжелой утраты. Она не хотела что-либо чувствовать: ни обжигающий ледяной дождь на щеках, ни мужское тепло у ее тела, ни вселяющее ужас возвращение памяти, ни страх, заставивший ее убежать.

– Вы у меня, – тихо произнес незнакомец, и мягкость его слов вызвала где-то внутри боль, но Изабель оставила ее без внимания.

«Я у вас. А что вы сказали бы, если бы я просто попросила оставить меня там, где вы меня нашли?»

Изабель все яснее и яснее осознавала поднявшуюся вокруг нее суматоху, и ее состояние невесомости превратилось в ощущение промокших юбок и затрудненного дыхания. Женщина, следовавшая позади них, сердито заворчала, когда все они переступили через порог и их окружило тепло дома.

– Она мертвая? О Господи! Мертвая женщина зимой в нашем саду! Это будет преследовать меня до конца моих дней!

– Она не мертвая. – Мужчина осторожно перехватил Изабель и направился в глубину дома. – Успокойтесь, миссис Макфедден. Позовите мистера Хеймиша и попросите его немедленно съездить за доктором Абернети.

– Нет, – прохрипела Изабель чуть громче шепота и скривилась, почувствовав боль, но страх оказался сильнее всего остального. – Пожалуйста, прошу вас. – Ее слова наполнились отчаянием. – Не нужно... властей. – Она взглянула вверх на него и постаралась не заплакать. – Пожалуйста, сэр. Я не могу... вернуться.

– Что это она говорит? – пронзительным голосом поинтересовалась женщина с порога кухни.

Изабель затаила дыхание, моля о милости в безжалостном мире, и чуть не умерла, увидев море сочувствия и понимания в зеленых глазах мужчины.

– Забудьте о докторе, – изменил он свое распоряжение, слегка повысив голос, и с властным видом повернулся к своей экономке. – Скажите Хеймишу, чтобы позаботился о лошади и проверил, достаточно ли дров для камина в голубой спальне. Наша гостья придет в себя там, а сейчас я отнесу ее в библиотеку, где теплее всего. И пожалуйста, миссис Макфедден, горячий бульон, одеяла и сухую одежду – как можно быстрее!

– Да, мистер Торн.

Когда угроза появления доктора отпала и Изабель перенесли через другую дверь в небольшую библиотеку, ее страх немного отступил. Мужчина опустил на колени и свободной рукой стащил подушки с ближайшего кресла, чтобы уютно устроить ее перед камином. Он умело растирал руками ее руки в перчатках, стараясь согреть кожу настолько, чтобы снять перчатки с ее пальцев, и весело, как будто это был обычный светский прием, пытался представиться:

– Меня зовут Дариус Торн, и вы должны простить миссис Макфедден, мою экономку, за ее реакцию. Я, вероятно, такой скучный человек, что она отвыкла от какого бы то ни было волнения. – Отложив в сторону перчатки, он снова сел на пятки и принялся за пуговицы на ее амазонке. – Простите мою бесцеремонность, но если мы не избавим вас от промокшей одежды, я не смогу сдержать слово и все-таки буду вынужден послать за доктором Абернети.

Изабель кивнула и попыталась хоть как-то помочь ему с жакетом, но пальцы отказывались подчиняться.

– Благодарю вас. Она имеет полное право жаловаться на мое наглое вторжение. И вдобавок я испорчу эти подушки, – стуча зубами, сказала Изабель.

Дариус улыбнулся, очевидно, оставив без внимания тот факт, что гостья не назвала в ответ свое имя.

– Не беспокойтесь. Без сомнения, она поймет, что виноват я, поскольку уже давно не люблю это кресло с его вышитой сценой охоты на лань каких-то скачущих верхом идиотов. – Он расстегнул последнюю пуговицу и, сняв с ее плеч промокший жакет, заменил его одеялом в качестве временного средства спасения от холода. – Давайте снимем ваши сапоги.

Ее руки и ноги постепенно согревались, и с возвращением циркуляции крови кожа начала гореть, как будто ее кололи тысячей иголок. Изабель поморщилась, когда он стягивал с нее сапоги, и забыла о скромности, когда он быстро снял с нее чулки и бросил их на каменный пол у камина.

– Проклятие, – пробурчал он себе под нос и без предупреждения принялся энергично растирать ей ступни и икры.

– Больно! – запротестовала Изабель, однако замолчала, заметив на его лице огорчение.

– Я ни за что на свете не сделаю вам больно, и все же кровоток необходимо восстановить. Пожалуйста, простите меня.

Изабель медленно кивнула, молча соглашаясь с разумным доводом, и он с мрачным видом вернулся к прежнему занятию.

Но было и еще кое-что. Не обращая внимания на слезы на щеках, Изабель в первый раз пристально всмотрелась в своего спасителя, и открытость его лица явилась удивительным бальзамом, избавившим ее от чувства неловкости. Свет огня, падая на его очки в проволочной оправе, окрашивал их в медный цвет и подчеркивал его красивые черты. Изогнутые аркой брови и ласковые глаза придавали ему мечтательный вид поэта, однако резко высеченные черты выдавали в нем воина. Его сильные руки спокойно и бережно трудились над ее телом до тех пор, пока бледная кожа наконец не засветилась розовым и не сделалась мягкой

под его прикосновениями. Тогда он снова взглянул вверх на Изабель, и дыхание застряло у нее в горле.

– Лучше? – спросил он. – По-моему, обошлось без обморожения.

Он заверил, что ни за что на свете не сделает ей больно, но в мире, который знала Изабель, было глупо верить ему. Однако она, полузамерзшая и несчастная, сидела здесь перед его камином, ее босая нога была зажата у него в коленях – и Изабель, неизвестно почему, впервые за несколько месяцев почувствовала себя в безопасности. Невероятно, но ей хотелось верить этому человеку.

Она кивнула и открыла рот, чтобы ответить, но резкий стук в дверь положил конец волшебству.

– Наверху все готово, мистер Торн. Огонь горит вовсю, и сейчас будет готов поднос с горячим бульоном и свежими булочками. Хотя, наверное, сначала мне следует проводить ее наверх и устроить там.

– Миссис Макфедден, вы сокровище. – Он встал с пола, и Изабель по привычке вздрогнула от неожиданного движения. – Вам нехорошо?

– Нет, – покачала она головой, – не думаю.

– Тогда позвольте, я помогу вам. – Он без усилий поднял ее, словно маленького ребенка, и направился к двери навстречу своей раздражительной экономке. – Ведите, миссис Макфедден.

Изабель закрыла глаза и проглотила все протесты, которые могла выдвинуть. Чувство собственного достоинства предписывало леди настоять на том, что ее ноги в порядке и она не может позволить ему утруждать себя ради нее. Однако тихий практичный голос внутри ее взял верх, напомнив, что она на самом деле не чувствует пальцев на ногах, что у нее все болит, а комната начинает кружиться.

Когда они поднимались по лестнице, ее снова окутал туман усталости, однако Изабель постаралась оставаться начеку, находясь на руках у этого мужчины. Перемещение в спальню для гостей прошло плавно и благополучно благодаря строгим инструкциям миссис Макфедден, и мистер Торн в конце концов опустил Изабель на мягкую кушетку в изножье кровати. Комната была теплой, как свежий тост, и пока мистер Торн покорно ждал за дверью, миссис Макфедден сняла с Изабель без остатка всю ее мокрую одежду и надела на нее мягкие шерстяные носки и несколько старых фланелевых ночных рубашек. И когда мистер Торн, вернувшись, поднял ее, чтобы перенести на кровать, миссис Макфедден положила в постель обернутый тканью нагретый кирпич, служащий грелкой, и откинула покрывала.

Удобно устроившись под кучей покрывал на перине, Изабель проиграла битву за то, чтобы держать глаза открытыми.

– Вот так, – тихо сказал мистер Торн, прежде чем уйти. – Невредима и в безопасности.

Изабель провалилась в раскрывшуюся перед ней темноту, сулившую блаженное забвение, с последней возникшей у нее мыслью.

«Я никогда больше не буду в безопасности».

– Она англичанка, – заметила миссис Макфедден и недовольно сжала губы в тонкую линию.

– Да. – Дариус шел вниз по лестнице в неотступном сопровождении своей экономки.

– И она не служанка, сбежавшая со службы!

– Нет. – Спустившись с лестницы, он натолкнулся на Хеймиша, который с сердитым видом преградил им дорогу.

– Это преступление, скажу я вам! Любой, кто довел такую лошадь до подобного состояния, преступник! – Хеймиш, его кучер и слуга, открыто демонстрируя свое возмущение,

скрестил руки. – Если вы не изобьете до крови джентльмена, который это сделал, и не выставите его вон, это сделаю я!

– Погодите, Хеймиш! – Дариус был вынужден сделать глубокий вдох, чтобы совладать с собственными эмоциями. – Прежде всего никто никого не будет ни бить, ни высказываться неподобающим образом! Кто бы ни была леди, она нуждается в нашей помощи и в нашем сочувствии. Уверен, она никогда не желала зла своей лошади и, когда поправится, отблагодарит вас за ваш умелый уход за животным и заботу о нем, Хеймиш.

– Леди? – словно побитый переспросил Хеймиш. – Старая карга ни слова не сказала об этом, сэр. Несомненно, я позабочусь о животном и приведу его в порядок.

От такого оскорбления миссис Макфедден задохнулась и посмотрела на своего обидчика с неммым обещанием грязи в его следующей тарелке овсянки.

– Благодарю вас, Хеймиш, – выразительно сказал Дариус, отпуская мужчину, чтобы получить возможность поговорить наедине с миссис Макфедден.

Повернувшись, Хеймиш пошел обратно в конюшню, а Дариус пригласил экономку в библиотеку, где та немедленно принялась поднимать с пола намокшие подушки.

– Мистер Торн, что вы думаете?

– Думаю, ничто не имеет значения, кроме ее здоровья и спокойствия.

– А я думаю, – миссис Макфедден положила подушки на кресло, – у этой женщины какая-то неприятность. Вам следует послать Хеймиша за констеблем.

– Нет. – Дариус обернулся к экономке. – Мы не будем ни за кем посылать, пока она не попросит об этом.

– Это не бездомная кошка, которую мы вытащили из снега, сэр, с вашего позволения! – Ее худощавое лицо сморщилось от неодобрения и неудовольствия. – Ее дело скверное!

Все подталкивало Дариуса задуматься о ее словах. Его чувства были взбудоражены с того самого момента, когда он увидел незнакомку и когда она с мольбой попросила его не обращаться к властям. И сейчас какая-то часть его пыталась угадать правду.

– Насколько скверное?

Миссис Макфедден отвела взгляд, но послушно ответила:

– Самое скверное из всех, с которыми я сталкивалась. Ее спина выглядит так, словно ее только что жестоко избили. Тот, кто это сделал, пользовался, похоже, тростью, но каким-то образом ухитрился не сломать ей ни ребра. Это... это ужас, сэр!

«Проклятие».

– Пусть это останется между нами, миссис Макфедден. Попросите Хеймиша спрятать эту лошадь, а когда леди оправится, я предложу ей любую помощь, в которой она будет нуждаться. Но ни при каких обстоятельствах не говорите никому о ее присутствии здесь. Если это то, что мы подозреваем, то от властей не будет никакой помощи. – Дариус провел рукой по волосам и поморщился, ощутив во рту вкус гнева на мужчину, который мог причинить такую боль женщине. – Вы понимаете?

– Да, – кивнула она, – но...

– Нет. Нет, миссис Макфедден. Я сказал ей, что она невредима и в безопасности, и, ей-богу, сделаю все, что в моих силах, чтобы так и было. Договорились?

– Да, мистер Торн. Никому ни слова. – Сделав реверанс, экономка ушла, оставив его наедине с книгами и бумагами.

Когда дверь за ней закрылась, он с пугающей ясностью осознал, что у него в доме появилась неожиданная гостья. Нагнувшись, он собрал все свои записи, которые разбросал втропях, и попытался привести в порядок мысли.

Потрясение от произошедшего не уменьшалось, и Дариус, на минуту отвлекшись, уселся за письменный стол. Когда он увидел ее лежащей в снегу, у него остановилось сердце. После долгой утомительной скачки слюна ее жеребца гирляндой замерзла на узде, а на его

боках мерцал иней. Животное, по-видимому, не смогло преодолеть низкую каменную стену сада и стояло над своей хозяйкой, не зная, куда идти.

Услышав первый крик, Дариус инстинктивно схватил декоративный меч, висевший над камином, и выбежал из кабинета, готовый ко всему. Выпустив бесполезный меч из рук, он заскользил по покрытой льдом дорожке и опустился на колени возле женщины, молясь, чтобы у нее не была сломана шея. Но незнакомка оказалась невредимой. Холодной как лед и замерзшей почти до смерти, но невредимой. Со светлыми волосами и кожей, почти такими же белыми, как земля вокруг нее, с тонкими, нежными, совершенными чертами лица, она была божественно прекрасна, и казалось, что перед ним фарфоровая статуэтка в человеческий рост.

Она была такой тоненькой и хрупкой, что Дариус испугался, не покинула ли уже душа ее тело, но когда она вскрикнула и потом оттолкнула его, он почувствовал почти осязаемое облегчение.

Живая.

Когда Дариус вносил ее в дом, она открыла глаза и взмолилась, чтобы он не посылал за хирургом. Один взгляд в ее глаза – и он все понял.

Понял, что миссис Макфедден найдет синяки.

Понял, что ничего никогда не будет по-прежнему.

И не потому, что она англичанка, причем состоятельная. Ее костюм для верховой езды бархатный, жакет сшит у портного, пуговицы вырезаны из гагата, и даже сапоги сделаны на заказ. Что уж говорить о породистой лошади.

«Эта женщина – самое восхитительное создание из всех, что я когда-нибудь видел. Боже, помоги мне!»

Она высокопоставленная леди, и у нее неприятности.

Не нужно спрашивать, кто обидел ее.

Потому что у прекрасной леди с голубыми глазами, похожими на белые опалы, на левой руке золотое кольцо. Дариус заметил его, когда снимал с нее перчатки.

Во что он ввязался?

Его гостя замужем.

Глава 2

Когда наложения ее кошмарных снов сменились более осязаемыми неудобствами, Изабель медленно проснулась. Спина у нее болела, и боль от синяков делала дыхание немного стесненным. Она крепко зажмурилась, размышляя, нельзя ли позволить себе вернуться в прерванный сон и получить еще несколько часов временной передышки. Но в комнату прокрадывался серый свет, и Изабель, отбросив свою идею, открыла глаза, чтобы попытаться понять, где сейчас находится. О своем прибытии она почти ничего не помнила.

Кроме него.

Незнакомца с добрыми зелеными глазами и очками в проволочной оправе, назвавшего ей свое имя – Дариус Торн. Мужчину с красивым лицом и нежными руками, который поднял ее из снега. Она попросила его не посылать за доктором и не беспокоить власти, и он пообещал выполнить ее просьбу. Но слова ничего не значат, Изабель это знала.

Вероятно, внизу ждет констебль – или мистер Джарвис.

Она представила себе посланца мужа, шнырявшего где-то поблизости, и этого было достаточно, чтобы подтолкнуть ее к действию, – страх вытеснил боль.

Прикусив внутри щеку, чтобы сдержать крик, Изабель попыталась сесть, но смогла это сделать, лишь прижавшись спиной к горе подушек и упершись ногами. В конце концов она выпрямилась, правда, даже по собственной оценке, без всякой грации, чтобы по крайней мере получить лучшее представление о том, где находится.

Комната была уютной, хорошо обставленной, в угловом камине весело пылал огонь. Дотронувшись до кружева и фланели у горла, Изабель ощупала детали чужой ночной сорочки, потом почувствовала незнакомые шерстяные носки и обнаружила отсутствие собственной одежды.

Она с надеждой посмотрела на большой гардероб у дальней стены.

Вряд ли можно убежать или как-то помочь себе, если остаться в ночной рубашке.

Откинув одеяла, Изабель спустила ноги на пол, однако боль в спине заставила ее поморщиться. «Более сообразительная женщина составила бы план, – проворчала Изабель, – или по крайней мере забрала бы свои драгоценности из спальни и распихала их по карманам, прежде чем бездумно бежать».

Она впервые позволила себе спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Убежать так, как это сделала она, было полнейшей глупостью, но ко времени, когда Изабель хоть немного успокоилась, она находилась уже слишком далеко, чтобы возвращаться. Импульсивное решение просто бежать сменилось настоящим ужасом: она поняла, что бросила вызов мужу, и наказание, которое он постоянно сулил ей, теперь было неотвратимо.

Даже если бы она приползла обратно и сдалась на не существующую милость супруга, Изабель боялась, что дала Ричарду долгожданные основания упрятать ее в сумасшедший дом или держать в новом аду собственных прихотей. Ее муж был влиятельным человеком и уважаемым пэром, а она по наивности сыграла ему на руку.

Он убьет ее или – еще хуже! – заставит мечтать о смерти, приковав цепями к стене где-нибудь в лечебнице для умалишенных.

Твердая поверхность деревянного пола под ногами вернула Изабель к реальности. Взглянув вниз и увидев на себе грубо связанные почти мужского размера носки красновато-оранжевого цвета, Изабель едва не улыбнулась, но ее внимание снова обратилось к гардеробу.

Она встала на непослушные ноги и направилась к нему как могла тихо, стараясь не заскрипеть досками пола и не издать какой-либо звук, который мог бы ее выдать. Распахнув

большие резные дверцы, она обнаружила только постельное белье и единственный фланелевый халат.

«Где же моя одежда для верховой езды? Мои сапоги?»

Дувший за окном холодный зимний ветер был единственным звуком, сопровождавшим ее мысли.

«Не спастись. Сегодня не спастись».

– А-ах! – Пронзительный женский возглас удивления заставил Изабель повернуться и инстинктивно поднять руки для защиты.

– П-пожалуйста... – пролепетала Изабель, чувствуя себя несчастной и испуганной, как непослушный ребенок, которого застали не в постели.

У вошедшей женщины был грозный вид, а из-за костлявой фигуры, узкого лица и волос, туго стянутых сзади, она походила на привидение. Но это впечатление мгновенно смягчилось, когда Изабель увидела в ее руках поднос, нагруженный блюдами, от которых поднимался пар, и услышала ее слова:

– Слава Богу! Вы встали с постели, бедная малышка! Я уж подумала, будто вижу призрак, и от страха едва не лишилась чувств! – Она поставила поднос на стол у двери и направилась к Изабель, вытянув руки, словно приближаясь к раненому животному. – Я миссис Макфедден, а вы... Вы намерены угробить себя, мадам, раз бродите в одной ночной рубашке, да?

– Да, я вас помню, – кивнула Изабель. – Я не собираюсь... создавать какие-либо неприятности, миссис Макфедден. Простите меня.

– Разумеется, не собираетесь! Неприятность является когда пожелает, без всякого разрешения, так что не стоит извиняться. Должна сказать, хорошо, когда в доме гости. – Видя, что Изабель не собирается возвращаться обратно в ожидающую ее теплую постель, миссис Макфедден положила руки на бедра. – А теперь в кровать!

Очевидно, миссис Макфедден привыкла к безоговорочному подчинению.

Изабель неохотно отпустила дверцу гардероба и успела сделать всего пару шагов, прежде чем экономка заботливо предложила руку, чтобы поддержать ее и отвести обратно к ее гнездышку.

– Вы очень добры, миссис Макфедден.

– Ничего подобного! – Миссис Макфедден улыбнулась. – Я безжалостна. Во всяком случае, так я заставила их считать, поэтому буду признательна, если вы сохраните мой секрет. – Она уложила Изабель и расправила толстое, набитое гусиным пухом одеяло. – Вы очень истощены, мадам, и я приготовила вам обильный завтрак. К сожалению, профессора я не могу заставить есть когда положено, зато вам я не позволю голодать под моей крышей!

– Профессора? Мистер Торн – профессор?

– Мистер Торн мой хозяин и владелец дома, и я полагаю... – Экономка нахмурилась, но ее обиженно-удивленное выражение превратилось в насмешливое. – Профессор – это я дала ему такое прозвище, потому что у него, несомненно, больше степеней и образования, чем здравого смысла, если хотите знать. Человек, который умеет говорить на десяти языках и ночует в библиотеке, должен помнить, куда кладет свою шляпу!

– Если я теряю вещи, то, уверяю, лишь для того, чтобы вы почувствовали свою ценность, миссис Макфедден, – вмешался в разговор Дариус с порога открытой двери.

Изабель потупилась. Он застал ее за тем, что она совала нос в его дела, и ее болезненно кольнул страх. Но когда она подняла взгляд, Дариус, стоя в проеме двери, весело улыбался своей экономке.

– Можно мне войти?

– Она должна поесть! Можете зайти не больше чем на пару минут. Однако если ей придется есть холодную еду или она упадет в обморок от ее отсутствия, виноваты будете вы! –

прорычала миссис Макфедден и, снова повернувшись к Изабель, прошептала: – Позвоните в колокольчик, если вам что-то понадобится, а я сделаю вид, будто недовольна, но появлюсь в мгновение ока. Хорошо?

– Да, миссис Макфедден, – кивнула Изабель, не в силах сдержать улыбку.

Миссис Макфедден удалилась, а Дариус вошел в комнату, предусмотрительно оставив дверь открытой.

– Это все у нее для видимости, – сказал он. – Как у котенка, который фыркает и шипит, но не имеет когтей.

– Она... замечательная, – согласилась Изабель. – Я должна поблагодарить вас за... Я даже не помню, как именно оказалась здесь, но...

– В этом нет необходимости. Для меня издавна существует правило давать приют любому, кто заблудился в моем саду, и я считаю своим священным долгом удерживать всех женщин, которые пытаются замерзнуть до смерти, от успешного осуществления их замысла, – легким шутливым тоном отозвался он.

– Значит, такое случается часто?

– О да, – кивнул он и, придвинув стул, сел рядом с кроватью. – Это происходит практически каждую неделю, поэтому я собираюсь попросить Хеймиша сделать ворота пошире и повесить китайские фонарики, дабы помочь большему числу заблудившихся душ побыстрее найти дорогу.

Мужчина казался Изабель загадкой, но нельзя сказать, что неинтересной.

– Я благодарна вам, мистер Торн, и не собираюсь... грубо вторгаться в вашу жизнь дольше, чем необходимо. Уверена, завтра утром я смогу отправиться в...

Он наклонился вперед, и его пристальный взгляд заставил ее замолчать на полуслове.

– Пожалуй, не сможете.

– Почему? – Тревога сдавила ей горло.

– Потому что здесь вы в безопасности. – Дариус терпеливо ждал, как будто понимая, какая внутренняя борьба происходит в ней.

– Но не потому, что вы хотите, чтобы я дождалась прибытия констебля, когда улучшится погода, нет? – спросила она, чувствуя на языке медную горечь этих слов.

Дариус покачал головой:

– Я выполняю свои обещания и не бросаюсь словами. Я ни за кем не посылал. Никто не придет.

Изабель нервно поправила рукава ночной сорочки.

– Благодарю вас.

– Скажете мне, как вас зовут?

Вот он, неминуемый вопрос, который откроет шлюз расспросов и заставит его нарушить данное слово или пожалеть о своих обещаниях. Глаза Изабель наполнились слезами, а горло сжалось от страха.

На самом деле совсем простой вопрос. Она назовет ему свое имя, а затем все изменится, и та безопасность, которую Изабель начала чувствовать, исчезнет, как туман от солнечного света.

– Это понятно, – заговорил он.

Изабель подняла голову и со страдальческим видом в недоумении посмотрела на него, а он продолжал:

– Перенести такое болезненное падение и пережить такой холод – это может любого лишить разума или памяти. Понятно, если что-то из событий вашего прошлого утрачено вами. Уверен, это временное состояние, так что не стоит об этом беспокоиться.

Изабель с подозрением кивнула, но почувствовала странное облегчение, поняв, по какому пути он намеренно направил ее.

– Амнезия. Потеря памяти может быть настолько глубокой, что человек не помнит никого из своих знакомых и даже собственного имени. – Его взгляд был спокойным и искренним. – Это должно быть очень грустно, я прав?

– Да.

– Тогда вы должны оставаться здесь столько, сколько потребуется, чтобы выздороветь и все вспомнить. Если только не... – Он глубоко вздохнул, однако в его глазах не было осуждения. – Вы можете вспомнить, было ли какое-то конкретное место, куда вы пытались добраться? Или кто-то, кто ждал вас? Вы собирались встретиться с другом?

– Нет. – Изабель покачала головой, не замечая, что у нее по щекам потекли слезы. – Никого нет. Не думаю, что мне есть... куда идти.

– Вот. – Дариус вытащил из кармана шерстяной куртки шелковый носовой платок. – Ответы придут, а пока что здесь горячий завтрак, которым следует заняться. Хотелось бы избежать жестокого нагоня за нарушение распоряжения миссис Макфедден.

Изабель взяла у него платок и вытерла глаза.

– С Самсоном все в порядке? С моей лошадейю?

– Хеймиш заботится о его здоровье, и я уверен, жеребец поправится. Он хромает, но если кто-то и способен его вылечить, то только Хеймиш. Он замечательно ладит с лошадьми. – Дариус встал и, взяв поднос, понес его на прикроватный столик. – Оставляю вас в одиночестве, чтобы вы не спеша позавтракали.

– Мистер Торн...

– Да?

– Я хочу сказать вам спасибо, но это, очевидно, жалкий способ отплатить за... все это.

– Этого больше чем достаточно, – улыбнулся он.

Ставя поднос, Дариус смахнул колокольчик с узкой подставки на пол, и через несколько секунд на пороге появилась миссис Макфедден, запыхавшаяся и недовольная.

– Пара минут, мистер Торн! Вы засиживаетесь и утомите ее! – громко заворчала она, торопясь взять все в свои руки. – Как она может есть, если вы ее отвлекаете? И разве вас не ожидают в городе?

Дариус послал Изабель робкий виноватый взгляд, и она улыбнулась ему в ответ, на мгновение почувствовав единение с ним.

– Я потерял представление о времени, миссис Макфедден.

– Погода не становится лучше, так что вам стоит отправиться прямо сейчас. – Миссис Макфедден положила руки на бедра, и, несмотря на короткое знакомство, Изабель поняла этот жест: Торна ждали неотложные дела.

– Похоже, мне пора. – Дариус слегка поклонился, прежде чем пойти к двери. – В городе я встречаюсь со старым другом, вернусь до наступления темноты. Миссис Макфедден, можно вас?

Экономка вышла вслед за ним, и Изабель, снова оставшись одна, продолжила удивляться, что при свете дня влияние на нее присутствия Дариуса Торна не уменьшилось.

...Все солдаты, стоявшие в передних рядах, в растерянности ожидали сигнала трубы, который возвестит их судьбы, а Белый Король, сдерживая дыхание, осматривал поле битвы. Это был момент, когда строй или удержится, или дрогнет – и королевство будет или защищено, или потеряно.

Темные бока лошадей блестели от пота, а шкуры подергивались от напряжения, пока крепкие руки всадников удерживали животных. Строй казался несокрушимым, и выражение непоколебимой уверенности на всех лицах заставляло верить в то, что это грозная армия, которую нелегко одолеть.

А затем все началось.

Беспорядочное движение, стычки и трусливые отступления, малые победы и несчастные жертвы – все закрутилось по воле королей, стоявших позади своих рядов.

Белый Король терпеливо ждал, пока не увидел, как Черный Король улыбнулся при появлении ударной силы, призванной выиграть битву, – и черная линия сломалась именно так, как предсказывал белый генерал. Черной армией двигала самоуверенность, но белые уланы, спрятанные королем, понеслись вперед, чтобы свершить жестокое правосудие и отдать победу в руки белой армии.

Белая Королева, целая и невредимая, бросилась к Королю, и он наслаждался сладостью ее присутствия и...

– Торн. – Его противник, вздохнув, постучал в знак проигрыша по черному королю. – Чрезвычайно неприятно, когда вы без всяких усилий обыгрываете человека в шахматы и в то же время, по-видимому, где-то витеаете.

Дариус Торн мгновенно вернулся к реальности небольшого игорного зала над кафе. Он полностью предался нелепым фантазиям о сражении и военной стратегии и чувствовал себя немного смущенным легкой победой и возможностью включить белую королеву в свой мысленный гамбит.

– Простите, профессор Уоррен. Уверю вас, я был целиком поглощен игрой.

– А не вычисляли углы древней каменной арки и не спрягали китайские глаголы? – добродушно поинтересовался Уоррен, убирая черные резные фигуры в деревянную коробку. – Если хотите, можете признаться.

– Я, возможно, и виноват в таких проделках, – улыбнулся Дариус, – но обычно это бывало во время академических чаепитий или...

– Во время вторжения миссис Уоррен в область музыки? – со смехом перебил его пожилой мужчина. – Господи, я никогда не забуду выражение вашего лица во время исполнения импровизаций! Вы тогда были совсем юным, однако я не мог не видеть, что ваш мозг продолжал работать, пока все остальные страдали, слушая, как моя жена барабанит три песни о соловьях.

– Уверен, ее исполнение было не таким уж плохим, – возразил Дариус. Он ровными рядами укладывал в коробку свои фигуры из слоновой кости и наслаждался ощущением легкой тоски по прошлому, в котором не было ни судьбоносных решений, ни жутких кошмаров. Слишком многое ему не хотелось бы вспоминать, поэтому день, проведенный со старым коллегой, казался желанным бальзамом для его нервной системы. – Как я помню, она была очень... увлечена.

– Торн, вы стали настоящим дипломатом! Моя дорогая Хэтти обладает многими достоинствами, но способность правильно взять хотя бы одну ноту не входит в их число. – Профессор Уоррен закрыл коробку и подвинул ее к Дариусу. – Я скучал по нашим постоянным играм.

– Вы были хорошим учителем.

– Пожалуй, так и есть, если мой студент научился играть лучше, чем когда-либо играл его наставник. – Пожилой человек поднял свою теплую оловянную кружку, наполненную подогретым вином, чтобы прогнать холод шотландского зимнего дня. – Я рад, что столкнулся с вами в Эдинбурге. Но это так далеко от Оксфорда! Я ожидал, что вы получили постоянное место в Тринити-колледже и к этому времени сами воспитываете молодые умы.

– Моя жизнь сделала несколько неожиданных поворотов, профессор, – покачал головой Дариус. – Не хочу показаться нескромным, но я все еще твердо намерен получить место, несмотря на отсутствие родословной. Если не в Оксфорде, то... Еще есть время, чтобы мои исследования пополнились некоторыми данными и обеспечили мне достойное место.

– Что ж, если это Эдинбургский университет привлек ваше внимание, то дайте мне знать. У меня есть кое-какие связи, и я мог бы...

– Только собственными силами, профессор Уоррен. Если появится возможность получить там место, я внесу вас в список как поручителя и попрошу рекомендательное письмо. Однако хотелось бы, чтобы мне помогли мои собственные заслуги. Я здесь, чтобы просмотреть архивы Королевского исторического общества и собрать всевозможные сведения для нескольких своих теорий. Но именно сейчас у меня есть дело в Эдинбурге и в Лондоне, которое отнимает большую часть моего времени. Поэтому любым серьезным академическим исследованиям придется подождать.

– Но вы же не отказались от своей основной темы, связанной с древними цивилизациями и их архитектурой?

– Нет, – признался Дариус и потянулся за своей кружкой чая со специями, – я слишком упрям, чтобы бросить ее.

– Те несколько заметок и зарисовок, которыми вы поделились после путешествия в Азию и Индию, просто поразительны. Непременно опубликуйте их!

– Непременно. – Дариус улыбнулся настойчивости пожилого человека. – Даже если эта дюжина копий будет сделана за мой счет, не сомневайтесь, одну я пришлю для вашей библиотеки.

– Вы слишком скромны.

– А вы очень добры, профессор. – Слова прозвучали с неподдельной искренностью и положили конец дружескому спору. Уоррен был ему за отца и всегда учил Дариуса смотреть за пределы круга его общения и происхождения. Непонятным образом профессор сумел рассмотреть нечто стоящее в Дариусе, который в юности страдал излишней застенчивостью. Профессор распознал в своем тихом подопечном высокий интеллект, открытую и любознательную натуру и был уверен, что Торн затмит своих коллег. Профессор Уоррен обучал его без всякого снобизма и порой воспитывал, как собственного сына. Даже миссис Уоррен никогда не возражала против присутствия Дариуса за ее столом или против долгих часов, на которые он фактически оккупировал их библиотеку для своих занятий, или против похищения ее мужа для нескончаемых ночных дискуссий.

– Работайте, Дариус. – Профессор Уоррен осушил свою кружку. – Сейчас трудные времена, и если вам что-то понадобится, пока вы не закончите ваше исследование, я надеюсь, вы вспомните требования миссис Уоррен, чтобы для вас всегда была готова комната.

Дариусу пришлось проглотить подкативший к горлу комок. Он не мог вспомнить ни одной взятой ею ноты, но зато помнил каждый случай, когда миссис Уоррен, найдя его за занятиями, приносила ему горячий чай или мягко напоминала, что нужно поесть.

– Профессор, пожалуйста, передайте ей – я непременно приеду, как только смогу. Хотя бы ради ее восхитительных мармеладных пирожных.

– Дариус, из-за нее я толстею! – Профессор сделал вид, будто морщится. – С годами ее выпечка становится все более и более соблазнительной, и предупреждаю вас, если я передам ей ваши слова, она засыплет вас пирожными еще до лета.

– И что в этом страшного? – рассмеялся Дариус. – Вы обойдетесь без очередного камня, а я стану объектом зависти всех знакомых холостяков.

Уоррен улыбнулся, но стук ледяного дождя в оконные стекла прервал их шуточный разговор.

– Я приятно провел день, но теперь должен ехать, пока эта восхитительная шотландская погода не улучшилась и не сделала дороги непроходимыми.

– И я тоже. Моя экономка, наверное, уже волнуется. – Дариус поднялся, чтобы помочь другу встать, и подал ему трость с набалдашником из розового дерева. – Встретимся еще, чтобы сыграть?